

Н. И. Кареев

**Типологическая и всемирно-
историческая точки зрения в
изучении истории**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. И. Кареев**
Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории /
Н. И. Кареев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 52 с.

ISBN 978-5-518-06616-8

ISBN 978-5-518-06616-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

на первый планъ взаимодействіе и объединеніе культуръ. и создающее, собственно говоря, „всемирную исторію“, какъ нѣчто, стоящее надъ частными исторіями отдѣльныхъ странъ, народовъ и государствъ.

Съ обѣихъ точекъ зрѣнія, находящихъ оправданіе въ томъ, что многое въ отдѣльныхъ частныхъ исторіяхъ повторяется, но и во многомъ же отдѣльныя частныя исторіи продолжаютъ то, что было начато другими частными исторіями,—съ обѣихъ этихъ точекъ зрѣнія, и съ типологической. и съ всемірно-исторической можно, конечно, изучать не одну древнюю исторію. Свой третій курсъ въ Политехническомъ Институтѣ, начатый осенью 1904 г., но не доведенный до конца за прекращеніемъ занятій въ первомъ семестрѣ 1905 г., я посвятилъ типологическому изученію „помѣстья-государства и феодально-сословной монархіи среднихъ вѣковъ“, изъ чего тоже предполагаю сдѣлать отдѣльную книжку. Если бы тема не была нѣсколько специальною для такого учебнаго заведенія, какъ Экономическое Отдѣленіе Политехническаго Института, я могъ бы, пожалуй, остановиться еще и на такъ называемыхъ „варварскихъ государствахъ“ среднихъ вѣковъ, разумѣя подъ этимъ терминомъ не только германскія королевства эпохи „переселенія народовъ“, но и славянскія княжества въ ранній періодъ ихъ существованія съ привлеченіемъ, для исторіи ихъ образованія, примѣровъ изъ исторіи евреевъ во времена судей или грековъ такъ называемаго гомеровскаго періода. Эту тему я оставляю, чтобы въ ближайшемъ будущемъ обработать,—сначала въ видѣ курсовъ лекцій. потомъ печатныхъ книгъ,—еще двѣ типологическія темы изъ новой исторіи: во-первыхъ, „государство и общество стараго порядка на Западѣ Европы“ и, во-вторыхъ, „конституціонную монархію новѣйшаго времени“. Обѣ эти темы, подобно „государству-городу античнаго міра“ чисто типологическія, а всемірно-исторической темой изъ новой исторіи могло бы служить, напр., установленіе господства европейскіхъ народовъ въ другихъ частяхъ свѣта. Быть можетъ, и этому предмету современемъ я посвятилъ бы отдѣльный курсъ, но не хочу загадывать слишкомъ далеко

впередъ и привожу данный примѣръ возможнаго курса съ всемірно-историческою точкою зрѣнія въ основѣ лишь для того, чтобы отгнать еще разъ ту разницу, какая существуетъ между обѣими точками зрѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь. типологическою и всемірно-историческою. или универсалистическою.

Скажу еще, что и ссылку на свои курсы въ Политехническомъ Институтѣ, какъ читанные уже, такъ и предполагаемые, я сдѣлалъ въ видѣ приступа къ главной задачѣ настоящей статьи—дать теоретическое обоснованіе типологической точкѣ зрѣнія, съ одной стороны, и защитить всемірно-историческую точку зрѣнія отъ нѣкоторыхъ на нее нападокъ. съ другой. Последнее мнѣ уже не разъ приходилось дѣлать по другимъ поводамъ, но работа надъ „Монархіями древняго Востока и греко-римскаго міра“ навела меня на нѣкоторыя новыя соображенія, которыми раньше, защищая законность всемірно-исторической точки зрѣнія, пользоваться, какъ аргументами. мнѣ еще не приходилось.

II.

Прежде всего, я опредѣляю типологическое изученіе, какъ занимающее середину между изученіемъ чисто историческимъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и изученіемъ социологическимъ. Другими словами, это переходъ отъ исторіи къ социологій. Исторія, въ тѣсномъ смыслѣ слова. есть изученіе единичныхъ, конкретныхъ объектовъ, взятыхъ изъ прошлаго. будетъ ли то отдѣльное событіе, либо явленіе, бывшее въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. или же это будетъ отдѣльная страна, извѣстный народъ, то или другое государство и т. п. Наоборотъ, социологія изучаетъ социальную жизнь вообще въ ея культурныхъ, экономическихъ, юридическихъ и политическихъ проявленіяхъ, не то или другое конкретное общество, приурочиваемое къ извѣстному мѣсту на земномъ шарѣ и къ извѣстному періоду всего протекшаго времени, а общество вообще внѣ опредѣленныхъ пространствъ и эпохъ, общество, такъ сказать, отвлеченно взя-

тое. Совершенно такъ же отвлеченно предметомъ изученія мы можемъ брать и государство, и право, и народное хозяйство, не русское или французское государство, не римское или германское право, не народное хозяйство въ Англии или Китаѣ, а государство вообще, право вообще, народное хозяйство вообще. т. е. извѣстныя категоріи явленій общественной жизни, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было. Разсматривая, однако, отдѣльныя государства, напримѣръ, мы устанавливаемъ между ними извѣстныя черты сходства и несходства, что позволяетъ намъ такъ или иначе ихъ классифицировать, подводить ихъ подъ извѣстныя видовыя категоріи, говорить объ извѣстныхъ типахъ государствъ. Никто не станетъ спорить, напримѣръ, что древніе Тиръ, Сидонъ, Карфагенъ, Афины, Сиракузы, средневѣковые Венецію, Геную, Любекъ, Новгородъ и т. п. мы имѣемъ право подвести подъ категорію государствъ-городовъ или что подъ одной и той же рубрикой деспотій можно назвать цѣлый рядъ и древнихъ, и теперешнихъ государствъ, т. е. и всѣ выше уже называвшіяся царства, а рядомъ съ ними и Китай, и Персію, и Турцію нашихъ дней. Чтобы не усложнять вопроса, я не буду распространяться на ту тему, что классификація государствъ—дѣло крайне трудное и потому весьма спорное, куда болѣе трудное и спорное, чѣмъ классификація ботаническая и зоологическая, благодаря большей сложности признаковъ и большому разнообразію и богатству индивидуальныхъ чертъ. но это обстоятельство никоимъ образомъ не можетъ препятствовать намъ устанавливать извѣстные типы государствъ, хотя бы и съ менѣе ясными и неподвижными признаками, нежели у родовъ, видовъ, подвиговъ, семействъ и т. д. біологическихъ классификацій.

Когда я изучаю развитіе, положимъ, афинскаго государства, я являюсь по отношенію къ нему историкомъ: для социолога афинское государство будетъ лишь однимъ изъ безчисленныхъ экземпляровъ того, что называется государствомъ, но между единичнымъ объектомъ исторіи и общимъ понятіемъ социологіи наша мысль можетъ остановиться еще на тѣхъ или другихъ типахъ государства, которые по отно-

шенію къ отдѣльнымъ конкретнымъ государствамъ будутъ общими понятіямъ, а по отношенію къ еще болѣе общему и всеобъемлющему соціологическому понятію государства, отвлеченно взятаго, — лишь своего рода частными категоріями. Типологическое изученіе есть одна изъ дорогъ, ведущихъ отъ конкретного матеріала исторіи къ абстрактнымъ формуламъ соціологіи или, пожалуй, одно изъ мѣстъ, гдѣ происходитъ встрѣча исторіи и соціологіи, своего рода этапъ на пути отъ индивидуальнаго къ общему.

Когда я намѣчалъ для курса тему государства-города, я одно время соблазнился мыслью не ограничивать себя однимъ античнымъ государствомъ-городомъ, а взять въ общее разсмотрѣніе и государства-города средневѣковые вплоть до современныхъ Гамбурга, Любека и Бремена, но отъ этого удержали меня и педагогическія, и научныя соображенія. Первые сводились къ тому, что подобное построеніе только запутало бы слушателей, такъ какъ не соответствовало бы знаніямъ, вынесеннымъ ими изъ средней школы, съ научной же точки зрѣнія я, конечно, былъ бы ближе къ соціологіи, но за то слишкомъ бы удалился отъ исторіи, не говоря уже о томъ, что исторія государствъ-городовъ въ отдѣльности не настолько разработана, чтобы можно было создавать столь широкія обобщенія. Какъ-никакъ, а государство-городъ античнаго міра, т. е. государство-городъ опредѣленной исторической эпохи, притомъ существовавшей и въ опредѣленныхъ географическихъ предѣлахъ, все-таки долженъ представлять болѣе конкретныхъ, исторически реальныхъ чертъ, нежели государство-городъ вообще, т. е. и древнія Афины, и средневѣковая Венеція, и теперешній Гамбургъ. Объемъ и содержаніе понятія, какъ извѣстно, находятся въ обратномъ отношеніи между собою: объемъ понятія античнаго государства-города меньше, но содержаніе его богаче; наоборотъ, объемъ понятія государства-города вообще больше, но содержаніе его бѣднѣе. Одно болѣе исторично, другое болѣе соціологично.

Историчность понятія античнаго государства - города состоитъ въ томъ, что это — форма, существовавшая въ

опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время, т. е. въ извѣстныхъ конкретныхъ условияхъ, благодаря чему у разныхъ государствъ-городовъ античнаго міра гораздо больше общихъ чертъ, чѣмъ можно было бы установить у нихъ съ средневѣковыми имперскими городами Германіи, коммунами Франціи, городскими республиками Италіи, хотя и тутъ возможны частныя аналогіи между древностью и средневѣковьемъ. Разъ задача исторической науки заключается въ изображеніи эволюціи, общую картину развитія государства-города, конечно, гораздо легче дать для отдѣльныхъ единицъ одной и той же опредѣленной территоріи и одной и той же эпохи, нежели для разныхъ случаевъ всѣхъ странъ и временъ. Между античными государствами-городами и средневѣковыми легла длинная эпоха образованія и разложенія Римской имперіи, возникновенія варварскихъ государствъ, процесса ихъ феодализаціи, полного расцвѣта и начала упадка феодализма. Всемирно-историческая точка зрѣнія особенно должна въ данномъ случаѣ выдвигать на первый планъ то соображеніе, что историческая обстановка государствъ-городовъ древности и средневѣковыхъ была разная, что это были два непохожіе одинъ на другой моменты всемірно-историческаго процесса, что условія внутренняго развитія античнаго государства-города и средневѣковаго не могли быть однѣи и тѣ же, и что, слѣдовательно, исکانіе на этомъ пути общихъ формулъ развитія — дѣло довольно безнадежное.

Принятіе общихъ формулъ развитія, впрочемъ, и для античныхъ государствъ-городовъ можетъ считаться законнымъ лишь подъ условіемъ цѣлаго ряда оговорокъ. Первая изъ нихъ—та, что каждая такая формула есть лишь схема, не столько передающая намъ дѣйствительность, какъ она есть, сколько помогающая намъ понимать эту дѣйствительность въ порядкѣ общихъ правилъ, пренебрегая исключеніями. Эту сторону дѣла, имѣющую важное методологическое значеніе, я счелъ особенно нужнымъ отмѣтить въ своемъ „Государствѣ-городѣ античнаго міра“ и нахожу небезполезнымъ отмѣтить ее и здѣсь воспроизведеніемъ относящагося къ вопросу мѣста въ названной книгѣ.

Возможно ли, именно спрашиваю я,—возможно ли нахождение такой общей формулы, под которую такъ или иначе подводились бы основныя перемѣны во внутренней жизни всѣхъ этихъ городскихъ государствъ? И вотъ, какой на этотъ вопросъ дается у меня отвѣтъ. Извѣстный итальянскій мыслитель начала XVIII в., Джіамбаттиста Вико, думалъ, что нашелъ формулу нѣкоторой „идеальной и вѣчной исторіи, по которой проходятъ во времени всѣ отдѣльныя исторіи народовъ“. но теперь мы хорошо знаемъ, что это—фантазія, что исторія каждаго народа имѣетъ свою особую формулу, и что общей исторической схемы, общаго шаблона исторіи нѣтъ и быть не можетъ, потому что условія жизни отдѣльныхъ народовъ слишкомъ неодинаковы. Съ другой стороны, однако, мы знаемъ также, что общность условий создаетъ и большія сходства въ исторіи разныхъ народовъ. Въ подобномъ положеніи находились, напр., государства-города античнаго міра. Уже Аристотель, наблюдая государственную жизнь своего времени, пришелъ къ нѣкоторому обобщенному описанію перемѣнъ, совершившихся въ отдѣльныхъ городахъ. „Царство, говоритъ онъ въ своей „Политикѣ“, есть древнѣйшая форма политическаго устройства... Царями ставили обыкновенно только нѣкоторыхъ за ихъ благотворную дѣятельность, которая составляетъ, конечно, отличительную черту людей хорошихъ. Но какъ скоро въ государствѣ оказалось нѣсколько людей, одинаковыхъ другъ съ другомъ по своему личному достоинству, то, не останавливаясь на прежней формѣ государственнаго устройства, стали искать иной, въ духѣ общинномъ, и основали республику (политію). Но лучшіе люди, сдѣлавшись худшими, стали обогащаться на счетъ общества. Отсюда естественно образовалась олигархія, потому что богатство сдѣлалось тогда предметомъ почета. Отъ олигархій же сперва перешли къ тиранніи, а отъ тиранніи—къ демократіи; изъ-за постыднаго корыстолюбія тиранны, дѣйствуя постоянно въ интересахъ меньшинства, тѣмъ самымъ возстановили противъ себя большинство, такъ что наконецъ сами должны были подчиниться ему, и такимъ образомъ произошла демократія“ Формула Аристо-

теля, слѣдовательно, такова: монархію смѣняетъ олигархія, олигархію—тираннія, тираннію—демократія. Греческій историкъ Полибій, жившій во II в. до Р. Х., уже прямо говорилъ объ „естественномъ измѣненіи или переходѣ“ однѣхъ государственныхъ формъ въ другія, и его даже занималъ вопросъ общій о томъ, „какой родъ политическаго устройства былъ первоначально, какой потомъ и какъ вообще одинъ родъ переходилъ въ другой“ Онъ думалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что на основаніи знанія послѣдовательности этихъ перемѣнъ можно было бы предсказывать будущее. Въ этой мысли проявляется вѣра въ законмѣрность историческаго процесса, но мы хорошо знаемъ, что при крайней сложности общественныхъ явленій трудно ожидать, чтобы комбинаціи главныхъ историческихъ условій точь-въ-точь повторялись въ разныхъ мѣстахъ, а потому, во-первыхъ, полного совпаденія отдѣльныхъ исторій никогда не наблюдается, а во-вторыхъ, если и представляется возможность извѣстныхъ обобщеній, то всегда изъ общаго правила будетъ большее или меньшее количество исключеній. Аѳинское государство подойдетъ подъ формулу Аристотеля, подойдутъ и другія, гдѣ въ свое время была тираннія, а потомъ устанавливалась демократія, но Спарта представитъ собою уже исключеніе да и Римъ тоже будетъ стоять особнякомъ. Все это я, конечно, и долженъ былъ совѣтовать имѣть въ виду, слѣдя за тѣмъ построеніемъ политической и соціальной эволюціи греческихъ государствъ-городовъ и Рима, которое давалъ въ своей книгѣ. „Построеніе это, говорилъ я по этому поводу, построеніе это—искусственно, конечно, но оно не произвольно, ибо наша схема подсказана самимъ ходомъ исторіи, движеніемъ отъ первоначальной монархіи къ болѣе поздней демократіи, причемъ на пути стоятъ и олигархія, и тираннія. Съ другой стороны, благодаря экономическому развитію, знатность уступастъ понемногу мѣсто богатству, и аристократія, въ смыслѣ господства знатныхъ, переходитъ въ тимократію, распредѣляющую политическія права сообразно имущественному цензу¹⁾).

¹⁾ Государство-городъ, стр. 92—94.

Подобную же оговорку я счелъ нужнымъ сдѣлать и въ другомъ еще мѣстѣ, указывая на то, что государство-городъ мы имѣемъ право разсматривать какъ особый соціологическій типъ на ряду съ другими типами государственнаго устройства. „У государства-города, говорится тамъ, есть общія типическія черты, конечно, не всё вмѣстѣ встрѣчающіяся и неодинаково сильно выраженныя въ отдѣльныхъ случаяхъ,—черты, до извѣстной степени связанныя между собою и одна другую обуславливающія. Это, я думаю, будутъ прежде всего, незначительность государственной территоріи, преобладаніе въ ней городского центра надъ окружающими его и къ нему тяготѣющими селами, тѣсная связь самого города съ его областью-округомъ, развитіе въ немъ торговли и промышленности, ранняя организація въ немъ государственной власти на республиканскихъ началахъ, сравнительная быстрота соціальной эволюціи и обостренность классовыхъ интересовъ и, въ случаѣ особой удачливости, стремленіе къ расширенію своего политическаго бытія путемъ установленія своей гегемоніи надъ другими общинами“. Перечисляя эти, раньше всего бросающіяся въ глаза черты даннаго соціологическаго типа, я, конечно, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ античныя политіи, но съ тѣми же чертами, хотя и не всегда со всеѣми ними разомъ, мы встрѣчаемся и въ государствахъ-городахъ другихъ эпохъ¹⁾.

III.

Я не взялся бы теперь же представить сколько-нибудь полную классификацію всеѣхъ существовавшихъ въ исторіи соціологическихъ типовъ государства и даже не думаю, чтобы такая классификація вообще когда-либо была возможна. Главное затрудненіе въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, что нѣтъ такого единообразнаго критерія, который можно было бы положить въ основу классификаціи въ качествѣ такъ называемаго *principii divisionis*. Всегда именно можетъ оказаться, что общества, сходныя между собою въ однихъ отношеніяхъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 320.

будутъ отличаться одни отъ другихъ въ иныхъ какихъ-либо отношеніяхъ. въ которыхъ, наоборотъ, тѣ или эти изъ разсматриваемыхъ обществъ придется признать болѣе родственными совѣмъ въ нѣкоторыхъ важныхъ чертахъ непохожимъ на нихъ обществамъ. И Аѣны въ древности, и современный Гамбургъ суть государства-города. но по соціальному своему строенію первыя стоятъ гораздо ближе къ Римской имперіи, чѣмъ къ названному вольному городу теперешней Германіи: стоитъ только вспомнить, какую роль во всей экономической и политической жизни государства-города Аѣннѣ и обширной міровой державы Рима играло рабство, чтобы представить всю разницу, — кромѣ многихъ другихъ, — которая существуетъ между государствомъ - городомъ античнаго міра и новой Европы. Этотъ примѣръ лишній разъ показываетъ намъ, что соціологическіе типы, какіе мы имѣемъ въ античныхъ государствахъ - городахъ или въ другихъ характерныхъ государственныхъ формахъ, вовсе не являются какими-то замкнутыми въ себѣ и строго одна отъ другой отграниченными категоріямъ.

Съ другой стороны, и внутри cadaго типа мы имѣемъ всегда дѣло съ большимъ разнообразіемъ. дающимъ возможность подраздѣлять государства даннаго типа на болѣе мелкія категоріи. Примѣромъ хотя бы, напр., въ исторіи древней Греціи можетъ служить давнымъ-давно подмѣченная разница между такими государствами, какъ, съ одной стороны, Спарта, а съ другой—Аѣны. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря тому, что одни государства-города античнаго міра оставались преимущественно земледѣльческими, а другіе сдѣлались торгово-промышленными, соціально-политическія отношенія въ нихъ должны были имѣть различный характеръ. Для сохраненія стараго аристократическаго строя въ земледѣльческихъ гражданскихъ общинахъ было гораздо больше благопріятныхъ условій, нежели въ центрахъ промышленности и торговли. Въ нихъ городъ гораздо менѣе экономически властвовалъ надъ своимъ округомъ, лучше сохранялось крестьянство, а когда и тутъ начались внутреннія смуты, то на первый планъ выступали аграрныя отношенія, какъ это было въ Спартѣ, какъ

это было въ Римѣ, какъ это равнымъ образомъ было и въ самихъ Аѳинахъ до развитія въ нихъ торговли и промышленности. Позднѣе въ этихъ же самыхъ Аѳинахъ аграрные вопросы отходятъ на задній планъ, экономическая дѣятельность населенія Аттики цѣликомъ попадаетъ въ зависимость отъ интересовъ ея городского центра, и главную силу демократіи составляютъ не крестьяне, а мелкіе купцы, ремесленники, наемные рабочіе, матросы и т. п. Соціальная забота правительствъ въ торгово-промышленныхъ городахъ заключалась, далѣе, въ томъ, чтобы пропитывать своихъ бѣдныхъ гражданъ, создавая для нихъ новые заработки, выселяя ихъ въ свои колоніи и т. п. Мало того, и въ духовной культурѣ обѣихъ категорій, на какія можно раздѣлить античные государства-города, тоже образовалось большое различіе: въ однихъ царили старыя традиции религіознаго міросозерцанія и обычнаго права, въ другихъ началось развитіе философіи и науки и исторически установившимся порядкамъ стали противопоставляться принципы рационалистическаго „естественнаго права“ ¹⁾

Я остановился на этомъ примѣрѣ, между прочимъ, и потому, что на немъ можно видѣть, какое важное значеніе въ исторіи отдѣльныхъ обществъ одного и того же типа имѣютъ внѣшнія условія ихъ существованія, опредѣляющія все ихъ внутреннее бытіе. Самъ типъ въ послѣднемъ анализѣ является не чѣмъ инымъ, какъ продуктомъ извѣстной комбинаціи внѣшнихъ условій существованія отдѣльныхъ обществъ. Измѣняются условія, какъ это наблюдается, напр., въ исторіи Аѳинъ,—и въ самомъ характерѣ государства происходитъ измѣненіе, позволяющее намъ говорить какъ бы о переходѣ его изъ одной категоріи въ другую, т. е. изъ одного состоянія въ другое состояніе. Типъ не есть ничто неизмѣнное, и каждое измѣненіе, сколько-нибудь крупное, имѣетъ своимъ слѣдствіемъ или созданіе какой-либо новой разновидности типа или переходъ изъ одного типа въ другой

Такъ, въ исторіи государствъ-городовъ античнаго міра

¹⁾ Государство-городъ, стр. 76